

Вырезка из газеты

ОМСКАЯ ПРАВДА

г. Омск

6 4 ИЮЛ 1982

«Презвратим Сибирь в край высокой культуры!» — на этот призыв краспопцев отозвались не только сибиряки, но и вся страна, со всех сторон потянулись в Сибирь инти культурного шефства. Омские гастролы Московского драматического театра имени Н. В. Гоголя — еще одно подтверждение острого зрительского интереса к проблемам современности, яркий пример участия творческого коллектива в решении этих проблем.

«Хороший спектакль, как и хорошая книга, помогает ориентироваться в житейских ситуациях, учит оценивать собственные поступки, способствует духовному становлению человека». Так говорили зрители на творческих встречах, подчеркивая высокое назначение театра, отдавая дань актерскому мастерству.

Сегодняшний разговор — диалог единомышленников. И хотя на этот раз зрители выступают в роли читателей, в размышлениях актеров о самом сокровенном они, наверняка, найдут ясные, созвучные их собственным представлениям о творчестве.

П. В. КРЫЛОВ, народный артист РСФСР:

— Можно наговорить массу комплиментов омским зрителям и тем выразить удовлетворенность завершившимися гастроллями. Но, может быть, потому, что омский зритель действительно хорош, хочется поделиться с ним мыслями хоть и не новыми, но к театру имеющими самое прямое отношение, взглянуть на актерскую профессию изнутри.

ПРАЗДНИК СЦЕНЫ

ТЕАТР

Мы, ветераны сцены, любим вспоминать фамилии известных режиссеров, актеров. Не надо думать, что за этим стоит желание поставить собственную фамилию в один с ними ряд: уважение к традициям театра — вот что нами движет. Мне кажется, что, не зная этих традиций, невозможно охарактеризовать творческое лицо театра, понять особенности коллектива, уловить истоки актерского мастерства.

Возьмем хотя бы одну из этих традиций — работу с драматургом. Афиногенов, Погодин, Симонов, позднее — Жуковичский, Колесниченко, Анкилов — сколько помню наш театр, мы всегда искали «свою» пьесу. Чем это оборачивалось для коллектива? Прежде всего ответственностью. Донести до зрителя то, чего он еще не знает, что не успело разойтись массовым тиражом, всегда сложнее, чем идти по пути уже освоенному. Улавливая нюансы, оттенки характера, работаешь, как говорится, «на пустом месте», и это приносит необыкновенное ощущение широты творчества, творческой свободы, которая немаловажна без риска.

Уверенности в себе — вот чему научил меня мой театр. Мы не случайно называем его «авторским»: творческая индивидуальность не пишется у нас правыми, а неписаная — это последний пример — спектакль «Район посадник неизвестен» по пьесе московского журналиста Вл. Губарева. Можно было выделить внешнюю сторону этой пьесы, и создать эффектный спектакль о космосе. Наш спектакль — о человеке, о его внутреннем мире, потому он и задает за живое. Мне радостно работать в этом спектакле, чувствовать его постоянно меняющийся пульс, улавливать оттенки настроений своих молодых партнеров.

Автор дал нам все, что мог, теперь мы должны создать новую художественную ценность — спектакль. Вложить в него весь свой опыт — и жизненный, и творческий. Вот за это право выразить

себя на сцене я до конца жизни буду благодарен своему театру.

В. А. АФАНАСЬЕВ, актер:

— Для меня лично «авторский» театр является синонимом напряженной, непрестанно напряженной работы над образом. Спектакль создан, а работа над ним продолжается — только так можно сохранить свое творческое лицо, обогатить свою художественную палитру. До сих пор помню уроки Лаиского, режиссера Омску небезызвестного. Ставили «Солдатскую вдову», и я, совсем молодой тогда актер, играл Плетнева. В силу возраста, неопытности, что-то, видимо, было все же недоступно моему пониманию, но режиссер скинул на это не делал, ориентировался, как говорится, «на будущее», убеждая меня в том, что когда-нибудь я непременно сыграю то, чего не улавливаю сейчас.

14 лет работы на сцене не прошли даром, сложились творческие принципы, определились пристрастия, выкристаллизовались индивидуальные возможности, наконец. Люблю работать над образами масштабными, когда каждый спектакль дает материал для новых размышлений. Борис Гаврилович Голубовский чувствует, видимо, это мое настроение, скупозлобно, критически анализирует каждый выход на сцену, — за это я ему благодарен.

Вдохновение не приходит само по себе, это всегда плод напряженной работы ума и сердца. Мысль не нова, однако точнее про нашу работу не скажешь. Искать приходится по всем направлениям — не просто перечитывать текст, изучать литературные материалы. Пустяковая, на первый взгляд, находка может изменить эмоциональное содержание сцены, высветить какую-то совершенно новую грань образа. Помните, в «Доме» в компании Елизаветы висит фотография ее сына Васи, так это я сам в 13 лет. Взгляну — я словно волной теплою обдаю, внутренний толчок двигает сцену.

Резервы образа актеру, как правило, известны, но не всегда удается их реализовать. Так, в одной из сцен того же спектакля логика образа требовала, чтобы мой Михаил Пряслин, этот пекашник Гамлет, как я его называю, разрядился в физической работе, скажем, начал колотить дрова. К сожалению, от этой идеи пришлось отказаться, а художественного эквивалента этому действию я пока так и не нашел. О театре могу говорить бесконечно, без товарищей по сцене не мыслю свою творческую биографию. Театр — это коллектив, и то, что делает каждый из нас, лишь мазок на полотне коллективного творчества.

О. Н. НАУМЕНКО, актер:

— Меня иногда спрашивают, как я отношусь к славе? Я отвечаю: «Хорошо», хотя, честно говоря, не совсем понимаю, какое отношение этот вопрос имеет ко мне. Успех, конечно, стимулирует творчество, но куда приятнее того, что тебя узнают на улицах, факт получения должностной роли, признание твоих творческих возможностей.

Мне в этом смысле повезло: уже первые роли позволили выявить то, что заложено в характере, развить эти качества на сцене. Материал был доступен, так что сразу можно было приступать к разработке внутренней линии образов. Мне

ближе женщины с сильным характером, где-то резковатые, угловатые, может быть... Есть такое емкое понятие «жизнеспособность», так вот, мои героини жизнеспособны, по-человечески мне очень симпатична эта черта.

Помню, в «Доходном месте» мне дали роль Юлиньки, а не Полиньки, которая гораздо ближе по духу. Пыталась найти в образе свою правду, но, считаю, что так и не осмыслила роль до конца. Надо ведь было не просто сказать что-то со сцены, а прожить то состояние, которое мне было недоступно.

До сих пор помню то ощущение неловкости, неуверенности, которое мешало работать — от зрителя этого не скроешь, не скроешь от самой себя. Совершенно иная ситуация с Эльзой, героиней спектакля «Возвращение Эльзы», который видел омичи. Все трепетно, остро: реакция зрала, работа партнеров, ощущение радости, праздника в душе. В таком состоянии удается сделать гораздо больше того, что позволяет текст роли, но оно проходит, это состояние, и начинаешь по-прежнему думать, как изменить интонацию в той или иной сцене, пластику, сделать более органичными переходы. Я счастлива, когда роль дает мне материал для таких размышлений. Искать, можно бесконечно — праздник сцены кому награда. В кино этого ощущения невозможно пережить, потому, наверное, я так дорожу театром. Чувство удовлетворения от работы, понимание зрителей — это и есть счастье. Во время омских гастролей я убеждалась в этом еще раз.

Г. УСЕНКО.